

тора, достаточно редкого и необычного для древней Руси, — Плутарха. Рассказ Плутарха, включенный Ефросином в свой сборник, посвящен греко-персидской войне и именно ее важнейшему событию — победе афинян при «Мафоне» (Марафоне). Источником Ефросина в этом случае была «Пчела»,¹⁴⁹ однако весьма характерно, что из этого памятника, обильного моральными изречениями древних мудрецов, наш писец выбрал не какую-нибудь благочестивую сентенцию, а исторический рассказ о победе «бесмертных супостатов» над «перским царем», едва ли не ассоциировавшийся у переписчика «Задонщины» с воспоминанием о победе над «царем» татарским.

«Гуманитарные» интересы Ефросина весьма ярко характеризуются краткими отрывками и отдельными записями на полях в его сборниках. Как и записи на «естественно-научные» темы, эти отрывки и заметки наиболее индивидуальны — подбор их всецело зависел от переписчика — и лучше всего говорят о его интересах. Эти интересы сказались уже при выборе небольших отрывков из тех авторов, о которых мы говорили. Можно было бы, конечно, считать случайностью обстоятельство, что Ефросин, переписывая «Еллинский летописец» (Малалу) и сообщив, что «Каин поя сестру другую Азару себе жене», опустил затем весь следующий далее библейский рассказ и перешел прямо к языческой мифологии: «Нин же сын Кронов другы, иже поя свою мать Семирамь жене себе».¹⁵⁰ Но, обратившись к другим текстам Ефросина, мы увидим, что интерес к языческой мифологии, как-то ассоциирующейся с мифологией библейской, проходит через все его сборники. Из Амартола Ефросин извлек именно рассказ о языческих богах (помещенный вслед за рассказом «о бозех жидовских»)¹⁵¹ В своем «потребнике» КБ-6 Ефросин поместил покаяние византийского мученика Киприана (III в.), состоящее почти сплошь из воспоминаний о том, как автор был «от младых ногот вдан Аполону на учение» и как он служил «Мифре» (Митре), Палладе, Артемиде и другим языческим богам.¹⁵² Поместив несколько рассказов об античных богах и героях, родившихся от «любодеяния», Ефросин наряду с этим написал (а затем почему-то зачеркнул) целый перечень библейских героев, «рожденных не от людей».¹⁵³ И даже в наиболее церковном из своих сборников, в «Синаксаре», на поле противоеретического «Многосложного свитка» Ефросин записал: «Боги их идеолы Крон и Дионис, Нира и Афродити...».¹⁵⁴

Ефросина интересовала не только античная мифология. Древние и отдаленные народы, их «неудобьпознаваемые» речи, их соотношение во времени с христианскими народами — весь этот материал Ефросин тщательно отмечает в тексте и на полях. Он чрезвычайно любит хронологические таблицы и хронологические отсчеты — будь то таблица царей, патриархов, соборов и еретиков, хронология от потопа до VII собора, хронология библейских пророков или христианских мучеников¹⁵⁵ и т. д. Такие записи, как «Иерусалим старей Рима лет 500 без 30 лет, а Рим старей Византии

¹⁴⁹ КБ-22, л. 324; текст так и озаглавлен: «От Пчелы. Плутарх». См.: В. Семенов. Древнерусская пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (оттиск из: СОРЯС, т. LIV, 1893, № 4), стр. 45—47.

¹⁵⁰ КБ-11, л. 454.

¹⁵¹ КБ-11, лл. 379 об., 380—382.

¹⁵² КБ-6, лл. 155 об.—162. — Покаяние это читалось и в сборнике игумена Игнатия (Кир-Бел. 53/1130, лл. 341 об.—356 об.; рука не Ефросина).

¹⁵³ КБ-11, л. 226 об.

¹⁵⁴ ГИМ, Увар. 894, л. 351.

¹⁵⁵ КБ-22, лл. 113, 227—227 об., 286/2 об.—287/2, 370 об